

Таким образом, антиинфляционная политика Республики Беларусь нуждается в совершенствовании в связи с интенсивным ростом цен в I квартале 2022 г. Ускорение инфляции во многом было обусловлено ухудшением внешних условий, оказавших влияние на динамику курса белорусского рубля и цены импорта. Дополнительными внешними проинфляционными факторами являлись нарушение внешнеэкономических взаимосвязей и высокая инфляция в странах – основных торговых партнерах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об уровне инфляции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/tseny/potrebitelskie-tsenty/operativnye-dannye/ob-urovne-inflyatsii/>. – Дата доступа: 28.05.2022.
2. Обзор инфляции, март 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/publications/inflation/inflation-2022-03.pdf>. – Дата доступа: 28.05.2022.
3. Информация о динамике и факторах изменения потребительских цен и тарифов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nbrb.by/publications/inflationquarterly/inflationquarterly_2022_1.pdf. – Дата доступа: 28.05.2022.

УДК 372.882

Л. Д. Зазулина

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОДСУДНОСТИ ПО НАСЛЕДСТВЕННЫМ СПОРАМ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)¹

Аннотация. На основе анализа действующих правил международной подсудности по делам о наследовании автор приходит к выводу о необходимости их совершенствования с целью повышения уровня правовой определенности, имеющего решающее значение для планирования международного наследования, и выделяет некоторые возможные шаги на пути к этому.

Ключевые слова: правовая определенность, международная подсудность, трансграничное наследование.

Значение правовой определенности для трансграничного наследования. Все современные демократические правовые системы признают правовую определенность основополагающей ценностью [1, с. 566]. И несмотря на то, что правовая определенность выступает общеправовым принципом [2, с. 11], по сравнению с другими областями права ее значение в сфере международного наследования особенно велико по нескольким причинам [1, с. 571].

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта № 20-311-90042 «Международный наследственный процесс».

Во-первых, наследственный процесс опосредует переход имущества умершего лица к его правопреемникам. Как правило, гражданину безразлична судьба его имущества, и чтобы данный переход соответствовал его воле, гражданин заинтересован в заблаговременном планировании наследования. Когда «план» приводится в действие, самого гражданина, однако, уже нет в живых, поэтому то, насколько полно его воля будет реализована, напрямую зависит от того, позволил ли существующий уровень правовой определенности спланировать наследование с достаточной точностью. Во-вторых, по сравнению с внутренними наследственными делами, которые полностью охватываются одним порядком, международные гораздо более «уязвимы» с точки зрения правовой определенности из-за потенциальных конфликтов между правовыми системами, с которыми наследственный случай обнаруживает связь.

В свою очередь, достигается правовая определенность в сфере трансграничных отношений в основном за счет ясных и точных коллизионных, а также юрисдикционных правил, в том числе о международной подсудности [1, с. 568].

Международная компетенция российских судов по делам о наследовании. По дву- и многосторонним международным договорам с участием Российской Федерации международная подсудность определяется по-разному в зависимости от природы наследственного имущества – в то время как споры о наследовании недвижимости разрешаются судами государства по месту ее нахождения, наследование движимого имущества относится к компетенции судов страны гражданства наследодателя (Албания (ст. 38), Болгария (ст. 35), Венгрия (ст. 40), Вьетнам (ст. 42), КНДР (ст. 39), Польша (ст. 42), Румыния (ст. 40), Босния и Герцеговина, Словения, Хорватия и Черногория (ст. 39)) или страны его последнего места жительства (Азербайджан (ст. 45), Египет (ст. 32), Иран (ст. 39), Кыргызстан (ст. 45), Куба (ст. 34), Латвия (ст. 45), Литва (ст. 42), Молдова (ст. 45), Чехия и Словакия (ст. 43), Эстония (ст. 45), а также Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. (ст. 48), участницей которой является и Республика Беларусь). Эти же правила действуют и для властей, уполномоченных рассматривать дела о наследовании в порядке бесспорного производства, в частности, для российского нотариата (гл. XI–XII Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-I (далее – Основы)).

При отсутствии применимых договорных правил международная подсудность определяется в соответствии с положениями гл. 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ). В отличие от международных договоров в ГПК РФ дифференциация правил о международной подсудности в зависимости от природы наследственного имущества не находит настолько полного отражения – суды Российской Федерации наделены исключительной компетенцией в отношении российской недвижимости (п. 1 ч. 1 ст. 403 ГПК РФ), однако в качестве наиболее общего правила они компетентны разрешать наследственные споры в отношении всей (!) наслед-

ственной массы, если в Российской Федерации находится место жительства ответчика (ч. 2 ст. 402 ГПК РФ). Кроме того, в соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ российские суды вправе рассматривать трансграничные наследственные споры (также в отношении всего наследственного имущества), если на территории Российской Федерации находится имущество ответчика. Таким образом, указанная норма значительно расширяет их компетенцию (практически до эксклюзивности [3, с. 62]) за счет ее распространения, в том числе на те случаи, когда связь наследования с российским правопорядком может быть очень слабой.

В отличие от международных договоров на уровне внутреннего российского законодательства отсутствует согласованность между правилами международной подсудности, предусмотренными ГПК РФ, и положениями, на основании которых определяется международная юрисдикция российских нотариусов, уполномоченных на ведение бесспорных наследственных дел. В зависимости от толкования ст. 1115 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) международная юрисдикция нотариусов может основываться либо на применимости к наследованию российского права (п. 1 ст. 1224 ГК РФ) и, соответственно, на последнем месте жительства наследодателя или нахождении его имущества в Российской Федерации (ст. 1115 ГК РФ, ст. 70 Основ), либо на нахождении наследственного имущества в Российской Федерации (абз. 2 ст. 1115 ГК РФ) [4, с. 146–147], что в любом случае отличается от положений, определяющих международную компетенцию российских судов.

Таким образом, действующие правила образуют три правовых режима, которые заключают в себе различные основания международной подсудности (рис. 1).

Международные договоры		ГПК РФ
I.	II.	III.
Раздельный подход (в зависимости от природы наследственного имущества)		Унитарный подход (в отношении всего наследства)
Местонахождение наследственного имущества (недвижимость)	Местонахождение наследственного имущества (недвижимость)	Местонахождение наследственного имущества (российская недвижимость)
Гражданство наследодателя (движимое имущество)	Последнее место жительства наследодателя (движимое имущество)	Место жительства ответчика
		Местонахождение имущества ответчика
Согласованность с бесспорной юрисдикцией		Отсутствие согласованности

Рис. 1. Существующие правовые режимы

Взаимосвязи между правовой определенностью и международной подсудностью. Описанная система норм о международной подсудности достаточно сложна, что уже само по себе затрудняет наследственное планирование.

Кроме того, значительное влияние на уровень правовой определенности в контексте международной подсудности оказывают следующие факторы.

1. Неясности, а также коллизии между существующими правовыми режимами, которые могут возникать, если наследование связано более чем с двумя правовыми порядками. Например, после смерти российского гражданина, проживавшего в Чешской Республике, остались три денежных вклада – в российском, чешском и болгарском банках. Во-первых, не вполне ясно, в соответствии с какими нормами должна определяться международная подсудность – применимы ли двусторонние международные договоры, действующие между Российской Федерацией и Чешской Республикой (Республикой Болгария), или же данный случай не охватывается ими, т. к. наследование связано более чем с двумя правовыми порядками, и международная подсудность подлежит определению на основании ГПК РФ. Во-вторых, если исходить из применимости двусторонних договоров, предусмотренные ими нормы вступают в прямое противоречие – в то время как по договору с Болгарией в отношении российского вклада компетенцией наделяется российский суд (по гражданству наследодателя), по договору с Чехией – чешский (по последнему месту его жительства).

2. Повышенная вероятность положительных юрисдикционных конфликтов с другими правовыми системами. Возникновению данных конфликтов способствуют, как представляется, (1) использование широкого спектра различных оснований международной юрисдикции – в зависимости от того, определяется ли она по международному договору (и какому именно) или согласно ГПК РФ, а также от того, носит ли наследственное дело спорный или бесспорный характер, (2) использование основания, наделяющего российские суды правом рассматривать наследственные дела, не имеющие значительной связи с Российской Федерацией (п. 2 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ). Дело в том, что иностранные правовые порядки также используют широкий спектр и различные комбинации оснований для определения международной юрисдикции своих национальных властей [5, с. 371–385; 6, с. 78–88, 90–91], поэтому чем вариативнее определяется международная юрисдикция с точки зрения российского правового порядка и чем проще оказывается «связать» с ним трансграничное наследственное дело, тем выше оказывается его конкуренция с иными правовыми системами в целом. Положительные юрисдикционные конфликты, в свою очередь, создают основу для *forum shopping* (А) и параллелизма наследственных разбирательств (Б).

А. При рассмотрении трансграничного наследственного спора суд, как правило, руководствуется своими национальными процессуальными правилами (*lex processualis fori*) и определяет применимое материальное право, руководствуясь обязательными для него коллизионными нормами, которые от страны к стране могут значительно отличаться [7, с. 510–516, 641–647]. Как следствие,

через выбор одного из нескольких компетентных судов заинтересованные лица могут влиять на определение применимых в их деле процессуальных и материальных норм, выбирая для себя наиболее благоприятные (*forum shopping*). И хотя в целом *forum shopping* считается правомерным явлением [8, с. 98], в наследственной сфере он рассматривается как крайне нежелательный, поскольку снижает предсказуемость преемства [6, с. 94–95].

Б. Положительные юрисдикционные конфликты повышают риск того, что в результате параллельных разбирательств в разных странах на основании одних и тех же фактических обстоятельств суды примут противоположные по своему содержанию решения. Последнее, в свою очередь, нарушает принцип определенности судебных решений *res judicata* [9, с. 3] и не просто не устраняет конфликт между спорящими лицами, а и усложняет его, поскольку материальная неопределенность спорных правоотношений дополняется неопределенностью процессуальной [10, с. 16], и наследование становится «хромающим».

Возможные направления совершенствования действующего правового регулирования. Изложенное позволяет заключить, что при действующих правилах международной подсудности уровень правовой определенности остается недостаточно высоким для того, чтобы потенциальные наследодатели могли с уверенностью прогнозировать переход имущества после их смерти.

При этом следует согласиться с тем, что в глобальном мире решение должно быть также глобальным [4, с. 143–144], и наибольшей предсказуемости международного наследственного процесса можно было бы добиться за счет масштабной унификации норм о международной подсудности в международном договоре. В связи с этим включение положений о компетенции по делам о наследстве в многостороннюю Минскую конвенцию 1993 г., безусловно, положительно, однако с учетом количества участников конвенции даже ее действие остается регионально ограниченным. Создание действительно глобального инструмента в области трансграничного наследования, в свою очередь, если и можно считать достижимой целью, то пока лишь в долгосрочной перспективе. В связи с этим целесообразными на данный момент представляются отдельные шаги, направленные на снижение вариативности при определении международной компетенции российских судов по наследственным спорам и сближение выделенных выше правовых режимов между собой.

В качестве таких шагов могут быть рассмотрены, в частности: (1) отказ от гражданства как одного из основных критериев международной подсудности в пользу последнего постоянного места жительства наследодателя (при одновременном пересмотре коллизионного регулирования — в связи с тем, что в современных реалиях гражданство лица далеко не всегда отражает его тесную связь с соответствующим правовым порядком [1, с. 568; 11, с. 569]), (2) отказ от применения в наследственных спорах п. 2 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ, наделяющего российские суды международной компетенцией даже в случаях очень слабой связи наследования с российской правовой системой, (3) повышение согласованности

между нормами о международной подсудности и правилами определения международной юрисдикции по бесспорным делам о наследовании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Pfeiffer, M.** Legal certainty and predictability in international succession law / M. Pfeiffer // Journal of Private International Law. – 2016. – Vol. 12, № 3. – P. 566–586.
2. **Дербышева, Е. А.** Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Дербышева. – Екатеринбург, 2020. – 33 с.
3. **Медведев, И. Г.** О некоторых проблемах разрешения международных наследственных споров / И. Г. Медведев, В. В. Ярков // Закон. – 2014. – № 8. – С. 58–69.
4. Настольная книга нотариуса: в 4 т. Т. 4. Международное частное право, уголовное право и процесс в нотариальной деятельности / Под ред. И. Г. Медведева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2015. – 287 с.
5. **Boulanger, F.** Les successions internationales. Problèmes contemporains / F. Boulanger. – Paris: Economica, 1981. – 430 p.
6. **Lübcke, D.** Das neue europäische Internationale Nachlassverfahrensrecht / D. Lübcke. – Baden-Baden: Nomos, 2013. – 714 s.
7. **Revillard, M.** Droit international privé et européen: pratique notariale / M. Revillard. – Issy-les-Moulineaux Cedex: Defrénois, 2018. – 1174 p.
8. **Schack, H.** Internationales Zivilverfahrensrecht mit internationalem Insolvenzrecht und Schiedsverfahrensrecht / H. Schack. – München: C. H. Beck oHG, 2017. – 625 s.
9. **Сюрмеев, К. Е.** Трансграничные коммерческие споры: проблема параллельных разбирательств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К. Е. Сюрмеев. – Москва, 2019. – 28 с.
10. **Попова, Н. И.** Преодоление риска принятия противоречащих друг другу судебных актов в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. И. Попова. – Саратов, 2019. – 25 с.
11. **Ренц, И. Г.** Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / И. Г. Ренц; отв. ред. Е. Ю. Петров. – Москва: М-Логос, 2018. – 656 с.

УДК 368.914(1-87)

К. П. Климова

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИИ ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ

Аннотация. В статье изложены особенности пенсионных систем в зарубежной практике. Рассмотрена организация добровольного пенсионного страхования в Республике Беларусь.

Ключевые слова: пенсионная система, добровольное пенсионное страхование, накопительная пенсия.